

ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ДОГОВОРАХ X в. КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ ОЛЕГА (911 г.) И ИГОРЯ (945 г.) С ВИЗАНТИЕЙ? Часть вторая¹

© 2019 г. К. С. Родионов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: rodionova76@gmail.com

Поступила в редакцию 17.04.2019 г.

Аннотация. Автор сообщает о неизвестных фактах в содержании договоров, заключённых в X в. с греками (Византией) киевским князем Олегом в 911 г. и князем Игорем в 945 г. Несмотря на двусторонний характер договоров, византийской стороне как автору каждого из текстов удалось превратить их в средство сдерживания киевских подданных от совершения разных злодеяний в период их пребывания в Константинополе.

Ключевые слова: договоры, неизвестные факты, средство сдерживания, злодеяния (преступления).

Цитирование: Родионов К.С. Все ли мы знаем о договорах X в. киевских князей Олега (911 г.) и Игоря (945 г.) с Византией? Часть вторая // Государство и право. 2019. № 12. С. 147–160.

DOI: 10.31857/S013207690007827-1

DO WE ALL KNOW ABOUT THE TREATIES OF THE TENTH CENTURY KIEVAN PRINCES OLEG (911) AND IGOR (945) WITH BYZANTIUM? Part two²

© 2019 K. S. Rodionov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: rodionova76@gmail.com

Received 17.04.2019

Abstract. The author informs about unknown facts of agreements, which a Kievan prince Oleg had concluded in 911 and a prince Igor had made with greeks (Byzantines) in 945. Although of double – sided way of the agreements, Byzantine representatives, being a creator of both texts, were able to use them as a method of keeping Kievan merchants from committing crimes during their stay in Constantinopol.

Key words: agreements, unknown facts, method of keeping, crimes.

For citation: Rodionov, K.S. (2019). Do we all know about the treaties of the Tenth century Kievan princes Oleg (911) and Igor (945) with Byzantium? Part two // Gosudarstvo and pravo=State and Law, № 12, pp. 147–160.

¹ См.: Родионов К.С. История одного заблуждения. Часть первая // Государство и право. 2019. № 1. С. 152–164. DOI: 10.31857/S013207690003659–6

² See: Rodionov, K.S. (2019). History of one delusion. Part one // Gosudarstvo and pravo=State and Law, № 1, pp. 152–164. DOI: 10.31857/S013207690003659–6

*«Правдивость больше
всего приличествует истории:
риторике присуща сила выражения, поэзии —
мифотворчество, истории же — истина»³.*

«Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) сообщает о четырех договорах, заключенных Русью с греками: в 907, 911, 945 (944 г.) и 971 гг. Первый и второй относятся ко времени княжения Олега, третий — Игоря, четвертый — Святослава. Это их количество закрепило в российской исторической науке.

Оригиналы договоров не сохранились. По мнению одного из активных их исследователей А.А. Шахматова, которое в советское время подтвердил акад. С.П. Обнорский результатами тщательного анализа их текстов, в начале XII в. второй и третий договоры были в наличии в княжеском хранилище. Там их якобы и взял составитель ПВЛ Нестор и переписал с них тексты договоров⁴. Дальнейшая их судьба неизвестна. Что касается договоров 907 и 971 гг., то первого, как мы увидим, не существовало, а второй вряд ли можно назвать таковым из-за обстоятельств, в которых он появился (об этом ниже). Подлинник его текста, если он и был, не сохранился.

Нет и греческих оригиналов договоров. По данным нашего византиниста Ф.И. Успенского, главная книга которого посвящена рассматриваемому нами периоду Византийской империи, даже Договор 911 г. оказался «документом, которому нет следа в византийской летописи», хотя по форме его выполнения и «по техническому содержанию» он не может быть вымыслом⁵.

Из четырех договоров текстами в ПВЛ представлены три: 911, 945 и 971 гг. Содержание Договора 907 г. изложено в ней словами летописца. С него мы и начнем наше исследование.

2.1. Так называемый договор 907 г.

«Повесть временных лет» относит его появление к военному походу Олега «на Царьград» в 907 г.⁶ Н.М. Карамзин писал: «В тот год Олег решился воевать с империей. На конях и в кораблях пришел к Царьграду; греки же город затворили.

Олег много убийств сотворил в окрестностях города грекам: разграбили множество палат и церкви пожгли». Автор обвинил в этом не Олега и его войнство, а императорский дом Византии, который «дал волю мужественному Олегу разорять окрестности столицы, жечь селения, церкви, дома вельмож греческих». Только когда те дошли до стен Царьграда и попытались штурмом взять его, лишь это привело «в трепет и самый город».

Далее обратимся к Ф.И. Успенскому, который писал: «Столица империи дрожала перед русскими полками. Составилось убеждение, что городу не устоять и что в конце концов он будет взят Русью. В многочисленных церквах читали акафист Богородице, умолая о спасении»⁷.

И снова ПВЛ: через своих послов греки просили Олега: «не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь. Лишь тогда остановил Олег воинов и, немного отойдя от столицы, начал переговоры с греческими царями». Он послал к ним пять дружинников со словами: «Платите мне дань» и **приказал** (заповеда⁸), чтобы греки дали его воинам «по 12 гривен» на человека; кроме того, дани и для основных городов: Киева, Чернигова, Переяславля и др., так как «по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу».

Далее летопись сообщает, что Олег якобы потребовал от греков впредь взять на себя все расходы по кормлению и содержанию приходящих в Царьград с «княжеской грамотой» гостей и торговых людей из Киева, чтобы они торговали, «сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов»⁹.

Как сказано в ПВЛ, императорский дом сразу же на эти требования Олега выставил встречные условия (назовем их «правила»), ограничивающие пребывание «приходящих в греки» торговых людей из Киева. Ничего не сказав о реакции Олега на эти правила (и была ли она), автор ПВЛ тут же сообщил, что стороны поклялись соблюдать мир, а «греческие цари **обязались уплачивать дань** и ходили ко взаимной присяге»¹⁰.

Греки после этого поспешили вручить Руси требуемую дань, получив которую Олег с войском «отправился восвояси» (так в тексте). Собственно, это им и было нужно. В.И. Сергеевич писал, что княжеское «войско не получало постоянного содержания и вознаграждалось выгодами войны, из

³ Россия в меняющемся миропорядке / под ред. Н.Б. Крылова. М., 2018.

⁴ См.: Обнорский С.П. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление: сб. ст. Т. VI–VII / ред. И.И. Мещанинов. М. — Л., 1936. С. 82.

⁵ См.: Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 269, 273.

⁶ См.: Повесть временных лет: ч. 1–2 / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 23–25.

⁷ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 408.

⁸ Заповеда — повелевать, предписывать, приказывать (см.: Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М., 2002. С. 266).

⁹ ПВЛ. Ч. 1. Текст и перевод. С. 24, 25 (оригинал), с. 221 (перевод).

¹⁰ Там же. С. 24, 25 (оригинал), с. 221, 222 (перевод).

которых первое место принадлежит военной добыче». Для них «воевать — значило обогащаться добычей, брать в плен людей, захватывать их скот и всякого рода движимость. Возможность легкого обогащения привлекала их к участию в княжеских войнах. Битвы могло и не быть, но без грабежа дело не обходилось. Он начинался со вступлением в неприятельскую землю»¹¹.

Историк А.А. Шахматов первым указал на то, что «сообщение в летописи (ПВЛ. — К.Р.) под этим годом о заключении договора с приведением его статей обязано целиком домыслу летописца»¹². Этой точки зрения придерживались М.В. Владимирский-Буданов, Н.О. Лавровский, В.И. Сергеевич, И.И. Срезневский, Ф.И. Успенский, А.Н. Филиппов, Ф.Г. Эверс. Более поздние авторы — Д.С. Лихачев, А.Е. Пресняков, С.П. Обнорский, С.В. Юшков своими трудами окончательно развеяли миф о существовании этого договора.

В частности, С.П. Обнорский провел тщательный анализ и сопоставление текста т.н. договора 907 г. и договоров 911 и 945 гг. и пришел к выводу, что первый был составлен летописцем ПВЛ из норм, изъятых им из второго и третьего договоров. Он согласился «с заключением А.А. Шахматова о том, что в действительности договора между Русью и Византией в 907 г. не было»¹³.

На это указал и Д.С. Лихачев, заявив, что его текст был «искусственно воссоздан летописцем из положений Договора 911 г.»¹⁴. Так же думал и С.В. Юшков, считавший этот договор «литературной компиляцией, основанной на материале договоров 911 и 944 гг.»¹⁵.

Исследователи полагают, что создатель ПВЛ Нестор, работая над летописью, «воодушевился желанием» как можно красочнее рассказать потомкам о легендарной победе Олега в 907 г. над греками¹⁶. Поэтому, как писал С.П. Обнорский, он «по своему разумению связал в повествовании» огромнейшую по тем временам дань и добычу, с которыми его воины вернулись домой, а также шит, якобы прибитый Олегом «на врата Цареграда», с заключением

выдуманного им договора¹⁷. И если в ПВЛ он выглядел в форме пересказа летописца, то Карамзин в своей «Истории государства Российского» придал выдумке Нестора некую завершенность и сходство с международным актом.

Но в этом акте оба автора совместили несовместимое: требования Олега о льготах его подданным в Царьграде и «правила», которыми греки намеревались ограничить свободу их пребывания в нем. Если Олег как победитель мог диктовать Византии свои требования, то греки как побежденная сторона могли лишь молча соглашаться. Ведь только что они умоляли Олега «не губить город» и «не воевать греческой земли», обещая взамен дать все, «что хочешь», и сразу же вслед за этим ограничивают свободу их пребывания на этой «греческой земле» и в городе, где они хотели передвигаться и действовать.

В тех обстоятельствах, в которых Византия находилась в 907 г., предложить Олегу такие «правила» было более, чем рискованно: он лишь чуть отошел с войском от столицы, но его воины продолжали разбойничать и грабить население окрестностей, шантажируя императорский дом готовностью вновь подойти к городу и начать штурм. Поэтому, по мнению исследователей, в договоре 907 г. требуемых Олегом льгот и выставляемых греками «правил» их пребывания в Царьграде быть не могло, а значит, не могло быть и договора с таким содержанием.

Тем не менее в нашей науке жива вера в то, что договор был. От А.Н. Сахарова мы узнаём, что заключался он в два этапа, что «выработка сначала перемирия, а потом мира 907 г. сопровождалась “посольскими обменами” и “посольскими конференциями” и что на этих переговорах первые русские послы представляли Русь как *суверенное государство* (курсив наш. — К.Р.)»¹⁸. Нет смысла и дальше говорить об этом договоре, ибо он — выдумка автора ПВЛ, украшение похода Олега «на Царьград» 907 г. и его победы.

2.2. Договор 911 г.

Этот Договор также много раз был предметом изучения, но в основном представителями исторической науки и языковедения, редко — науки правовой и ни разу международно-правовой. А это первый в истории нашей страны международный акт, к тому же заключенный в письменной форме, причем тогда, когда на Руси не было ни письменности, ни грамотности, что само по себе должно вызывать к нему разнообразный интерес.

¹¹ Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 412.

¹² Шахматов А.А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества. Вып. VIII. СПб., 1914.

¹³ Обнорский С.П. Указ. соч. С. 80.

¹⁴ ПВЛ. Ч. 2. Приложения. Статьи и коммент. Д.С. Лихачева. С. 266.

¹⁵ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 35.

¹⁶ См.: ПВЛ. Ч. 2. Приложения. Статьи и коммент. Д.С. Лихачева. С. 273.

¹⁷ См.: Обнорский С.П. Указ. соч. С. 80.

¹⁸ Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. 2-е изд., доп. М., 1991. С. 5, 6.

Знакомство с посвященной ему литературой показало, что с правовой точки зрения он так и остался малоизученным, что подтверждается наличием невыясненных и даже ложно трактуемых его положений, например таких как:

1. Что могло побудить стороны, разделенные почти двумя тысячами верст и не имевшие общих границ, заключить «договор о мире и любви»?

2. Что могло стать предметом сотрудничества сторон, вообще лишенных из-за этого возможности как-то общаться, а не только жить в мире и любви?

3. Какая сторона могла первой пойти на контакт и по какой причине?

Список вопросов можно продолжить, но ответа на них в хроникальной литературе нет. А те, что есть, при знакомстве с Договором вызывают сомнения в их убедительности. Например, в нашей науке с подачи ПВЛ сложилась вера, что Договор 911 г. заключен по инициативе Олега как победителя в военном походе «на Царьград» в 907 г. Свидетельством этого стала и сама формула, под которой он стал известен, — «договор **Олега** с греками», и запись в ПВЛ, где сказано, что в тот год отправил Олег послов своих «построити мира и положити рядъ межю Русью и грекы», и сразу следует текст Договора¹⁹.

Возникает вопрос: что могло заставить Олега сделать это? Четыре года назад (в 907 г.) стороны, если верить той же ПВЛ, уже заключили договор. С.П. Обнорский писал, что «сама летопись в своем повествовании не дает фактических оснований для предположения двукратности заключения договора на протяжении столь короткого времени. С 908 по 911 год у сторон не было контактов, как и событий, требовавших нового соглашения»²⁰. Категорично высказался и В.И. Сергеевич: в 907 г. «греки купили не предварительный мир, нуждавшийся в каком-либо развитии, а окончательный, мир в тесном смысле этого слова. Мнение, что им были установлены только общие начала, на основании которых позднее должен быть заключен окончательный мир, очень искусственно для таких примитивных деятелей, какими была Русь Олега»²¹.

«На Царьград» Олег ходил с одной целью — потребовать «дань» с греков, и он ее получил. Поэтому, как считали названные выше и другие авторы, у Олега не было причины снаряжать послов в Царьград. Сергеевич писал, что в 911 г. скорее всего «по вызову греков были отправлены послы

в Царьград, которые и заключили дошедший до нас от этого года договор»²².

Что же могло заставить их сделать это? Выше было сказано, что за время, прошедшее после 907 г., контактов сторон в ПВЛ не отмечено. Это значит, что обстоятельства, вынудившие Византию призвать в страну своих врагов, возникли только у нее, и они требовали рассмотрения только с участием Киева.

ПВЛ ничего не сообщала и об этих обстоятельствах, а сразу же изложила текст Договора 911 г. Поэтому нам ничего не остается, как искать их в нём. Даже беглое знакомство с положениями Договора убеждает, что его появление не связано с походом Олега на Царьград в 907 г., не было его следствием. Он — о другом и об отношениях Византии с другой «Русью», с которой мы пока не встречались. Но именно она создала для страны проблему, решение которой нельзя было откладывать. Это и заставило последнюю сделать трудный шаг — пригласить к себе в дом врага, чтобы вместе решить ее средствами договора.

Его основа — «суть главы договора», которой стороны обязали себя «по божьей вере и дружбе». Содержательная часть состоит из 14 статей, «глав», как они названы в тексте, каждая из которых — правовая норма. В договорной практике средневековья различались нормы, регулировавшие публичные (международные) отношения сторон, и нормы частного международного права. Первые регламентировали отношения самих правителей (государства или «народа»). Частным правом охватывались правоотношения, которые, по формуле одного из корифеев древнего римского права Ульпиана, касались отдельных лиц — их личного или имущественного ущерба. Сюда входили не только оскорбления, членовредительство, побои, но и то, что, по современным представлениям, образует «кримен» (англ. *crimen*) — преступление, караемое в порядке уголовного судопроизводства: убийство, воровство, грабеж, виновное повреждение чужого имущества и проч²³.

С них-то и начинается Договор 911 г. Заявленная в его титуле цель «жить в мире и любви» была исчерпана в ст. 1: «Да умиримся с вами, греки, да любим друг друга от всей души и не дадим никому обижать вас». К нормам международного права относятся также ст. 7 — об оказании взаимной помощи при кораблекрушении («береговом праве») и 9 — о поступлении подданных одной страны в войска другой. Остальные — нормы частного международного права (МЧП), начиная с блока

¹⁹ См.: ПВЛ. Ч. 1. Текст и перевод. С. 25–29.

²⁰ Обнорский С.П. Указ. соч. С. 80.

²¹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 103.

²² Там же.

²³ См.: Черниловский З.М. Лекции по римскому частному праву. М., 1991. С. 189, 190.

норм уголовного права, который в Договоре следует сразу же за ст. 1: это ст. 2 — о производстве в судах; ст. 3 — убийство; ст. 4 — причинение побоев или ран; ст. 5 — кражи; ст. 6 — грабежи; ст. 8, 10 — о выкупе пленных соплеменников из другой страны по указанной в Договоре цене; ст. 11–14 — нормы частного (гражданского) права.

Применительно к той исторической эпохе присутствие норм уголовного права в Договоре подобного титула не было исключением. А вот то, что Договор начинался ими, могло говорить только об их главенствующей роли в нем. Следует учесть также, что эти статьи Договора — нормы прямого действия.

Первая в нём (ст. 2) определяла порядок судебного разрешения столкновений руссов с греками преступного характера, а также их споров и тяжб частных²⁴. Её текст дается в переводе Д.С. Лихачева, но три термина будут приведены нами в скобках на языке оригинала — старославянском: так они точнее и нагляднее передавали их смысл и связь с остальными нормами Договора.

«А о главах, касающихся возможных совершить злодеяний (**проказ**), договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание (**казнь**), каким окажется преступление (**согрешение**)».

Ее анализ начнем с «возможных совершиться проказ», непривычных для нашей юридической лексики правонарушений, определяющих главный объект Договора и его репрессивную составляющую. В ПВЛ толкуется двояко: как злодеяние и как преступление. То, что каждое преступление — злодеяние, не подлежит сомнению, но не каждое злодеяние — преступление. Автор академической редакции ПВЛ Д.С. Лихачев следовал точке зрения А.Н. Филиппова, который применительно к эпохе Договора 911 г. толковал «проказу» как преступление²⁵. По мнению И.И. Срезневского, это слово в Договоре 911 г. относилось лишь к ст. 3 (убийство). И тот, и другой не заметили, что в нём термин «проказа» есть и в ст. 7, где речь идет о бедствии на море, когда пострадала ладья с грузом. И.И. Срезневский не учел и того, что слово это присутствует и в Договоре 945 г. в значении

преступления (злодеяния) вообще. Приведенные факты говорят о том, что в ту эпоху понятие «проказа» имело весьма широкий смысл.

И в XIX в. оно толковалось довольно широко, в частности, Г.М. Барац понимал его как зло, вред, злодеяние, проступок, вина, спор, козни, хитрость²⁶, а В. Даль — не как злодеяние, а как озорную шутку, дурачество²⁷.

Проделав «на основании подлинных выражений договора» собственный анализ значения этого слова в нем, В.И. Сергеевич писал: «Слово “проказа” на языке договоров имеет более широкий смысл, чем преступление вообще: оно может обозначать всякий имущественный ущерб, хотя бы он произошел и без участия воли человека, как, например, крушение ладьи. Отсюда заключаем, что процессуальные доказательства, перечисленные в рассматриваемой статье 2, указаны не только для убийств, но для всяких дел; они должны иметь место даже в гражданских спорах»²⁸.

Согласно Договору 911 г., все названные в нем «проказы», и не только входящие в блок уголовного права, должны рассматриваться судом в порядке его ст. 2: на это указывало ее место в его структуре: ею начиналась вся его содержательная часть, и она же устанавливала общий и единый порядок рассмотрения судом всех указанных в нем «проказ», а не только «преступлений», как сказано в академической редакции ПВЛ.

Таким образом, ст. 2 охватывала все «согрешения», в том числе и частного (гражданского) характера: ст. 11 — о возвращении в Русь челядина²⁹, украденного у хозяина или сбежавшего от него в греческой земле; ст. 12 — о собственности служившего «у греческого царя» русского, умершего, не распорядившись своим имуществом. От ст. 13 сохранился лишь титул «о взимающих куплю Руси», явно сложенный из остатков титулов двух последних статей, причем текст первой не сохранился, а второй — сохранился не полностью. Это ст. 14 — «о различных ходящих в греки и удолжающих».

Присутствие в Договоре о мире и любви норм уголовного права Н.М. Карамзин объяснял «взаимными обидами и ссорами греков с россиянами в **Константинополе**» (запомним это! — *К.Р.*), которые якобы и «заставили его стороны включить статьи уголовных законов в мирный государственный

²⁴ Судебная практика многих стран того исторического периода, в том числе и на территории нашей страны, не знала разграничения права на отрасли уголовного и гражданского. — *К.Р.*

²⁵ См.: Договоры русских с греками и предшествовавшие заключению их походы русских в Византию. К тысячелетию Договора Олега 911-го года. Ч. 2. Время Игоря и Святослава. М., 1912. С. 38.

²⁶ См.: Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910. С. 82, 83.

²⁷ См.: Даль В.И. Указ. соч. С. 539.

²⁸ Сергеевич В. Указ. соч. С. 127.

²⁹ Челядин (челядь) считался собственностью его господина и был полностью бесправным.

договор»³⁰. Карамзин явно не хотел говорить о «проказах» в форме тяжких злодеяний, совершаемых подданными Олега в этом городе. Превратив их «во взаимные обиды и ссоры», он тем самым скрывал создаваемую «ходящими в греки» проблему в этой стране. Для воздействия на них в Договор и были включены нормы уголовного права. В каждой из них действовал один и тот же состав участников — русский и грек (в тексте «христианин») в том или другом качестве, речь шла о их конфликте на греческой земле, где русский мог оказаться только «ходящим в греки». Иной вариант исключался.

Так кто же они — эти «ходящие в греки» и как оказались в стране, удаленной от их Руси (будем пока называть ее так) почти на две тысячи верст, и создали проблему для Византии, потребовавшую срочного решения?

На базе трудов В.О. Ключевского, Ф.И. Успенского и других авторов, а также сохранившихся и переведенных на русский язык записей бесед византийского императора Константина VII (Багрянородного) с самими «ходящими в греки» у нас есть возможность представить картину возникновения этого понятия и, соответственно, связанную с ним проблему.

«Путь из варяг в греки» известен давно. Ф.И. Успенский писал, что к концу IX в. он стихийно действовал без какого-либо согласования его с властями Византии. Каждый год в конце весны княжеские дружинники снаряжали один-два каравана речных судов с товарами для продажи в Царьграде. Путь, длившийся 5–6 недель по Днепру, затем по извилистой прибрежной полосе Черного моря до Царьграда, был связан всегда с риском лишиться и товаров, и жизни. Но это не пугало его первопроходцев — варягов, а позднее и продолжателей — дружинников киевских князей — тех же варягов.

После водворения Олега в Киеве всю организацию торговых караванов в Царьград взяли в руки дружинники из его ближнего круга, а Киев стал «сборным пунктом русской торговли»³¹. Как писал И.Д. Беляев, «торговля составляла важнейшую часть доходов князя и была необходима для него», по своей важности она приравнивалась к войне и поручалась дружинникам, которые в чужих землях вели ее от имени князя³².

³⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1 / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1989.

³¹ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 26.

³² См.: Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 56.

Большую часть товара ежегодно составляла собираемая князем дань с подвластных племен. Организаторы руководили движением каравана в Царьград, а на рынке — продажей княжеского и собственного товара. В пути и в городе товар охраняли младшие дружинники, следовавшие, как и организаторы, с оружием и в боевом облачении. «Товар» дружинников обычно составляли пленники, добытые на их основной «работе». В Царьград, где они пользовались спросом, их вели с оковами на ногах. Под защиту караванов пристраивались со своими товарами и купцы, для которых торговое дело было профессией: им помогала своя челядь. Караваны были всегда многочисленны, а большое число дружинников при оружии делало их похожими на войско. Поэтому каждый раз их появление в городе воспринималось как очередное вражеское нашествие.

Рассказ о торговых караванах, ходивших «в Царьград», — иллюстрация к понятию «ходящие в греки». Этот термин, взятый нами из Договора 911 г. (ст. 7, 14), не мог относиться ко всем участникам каравана, а только к собственникам товара — «купцам», как дружинникам, так и «штатским». Но в нашем исследовании он охватывает и младших дружинников, так как именно они скорее всего являлись творцами разного рода «проказ» и самоуправства. Без подобного пояснения этот термин вряд ли стал бы понятен читателям.

Выше говорилось, что договор 907 г. состоял из требований Олега к Византии предоставлять льготы всем его «купцам» на время их пребывания в Царьграде и выставленных ею в ответ на «правила» их пребывания в нём. На наш взгляд, первые если и могли быть заявлены Олегом, то только не на волне его победного куража 907 г. Как подметил В.И. Сергеевич, для этого Олег и его дружина «были слишком примитивны». К тому же, такие требования вообще могли возникнуть позднее, после того как Византия начала применять нормы Договора 911 г. против «ходящих в греки» за совершаемые ими «проказы». Пока же для этого оснований не было.

Ситуация резко изменилась после 907 г., когда «ходящие в греки» повели себя как победители, с каждым своим появлением ожесточая жителей города и окрестностей, где они вели себя особенно дерзко. На их обуздание и были направлены основные нормы Договора 911 г. Только их применение греческой стороной могло в ответ вызвать со стороны Киева протестные требования о льготах «ходящим в греки». В 907 г. ни тот, ни другой предмет его «договоренности» еще не возникал.

Ни тех, ни других не могло быть и в Договоре 911 г. Этот Договор можно считать уникальным с точки зрения качества его юридической разработки: концепции, логически выстроенной

структуры, где все его нормы разделены по блокам, следующим по мере снижения тяжести представленных прегрешений. Это говорит о завершенности его формы. Отсюда включение в его структуру льгот подданным Олега и ограничительных «правил» их пребывания в Царьграде нарушило бы логику и целостность документа.

Лишь после 911 г., когда Византия начала применять нормы Договора, а «ходящие в греки» — проявлять случаи самоуправства, — это стало серьезной проблемой. Её решение Византии откладывала из-за нежелания предоставлять льготы «ходящим в греки». Лишь в 945 г. под давлением двух походов Игоря она включила их в новый Договор.

2.3. Договор 945 г.

Год его заключения в нем не указан. Ряд исследователей датирует его появление 944-м, другие — 945-м г. Та и другая даты верны, но с поправкой на соответствующий календарь: до начала 80-х годов XVI в. на Руси, как и в Византии, действовал юлианский календарь (т.н. «старый стиль»), согласно которому новый год начинался 1 сентября. Рассматриваемый Договор был заключен вскоре после этой даты, но не позднее декабря того же года. В 1582 г. по решению римского папы Григория XIII был введен новый календарь — григорианский («новый стиль»), и календарный год стал начинаться 1 января. Следуя этому календарю, анализируемый Договор был заключен в 944 г., но в данном случае лучше придерживаться юлианского календаря, действовавшего в ту историческую эпоху, хотя возможен и вариант — 945 (944) г.³³

Что же заставило греков пойти на этот контакт с Киевом? Какую роль в этом играли походы Игоря? В качестве их цели еще в XIX в. называли две: первая — отказ греков платить дань Руси, вторая — настойчивое ее желание заключить с греками торговое соглашение. Сторонников той и другой не смущало, что и Олег, и Игорь шли к цели неподходящим для этого случая варяжским способом — войной. Уже в наши дни А.Н. Сахаров писал: «Империя прекратила выплату Руси *ежегодной* дани (курсив наш. — К.Р.), что и обусловило начало войны между соперниками»³⁴. В чем они соперничали — не ясно. Иную причину назвал Б. Акунин, в последние годы занимающийся изысканиями в исторической сфере: по его мнению, «русским была нужна не дань, а торговое соглашение». Для них торговля с Византией «была основой *государственной экономики*», поэтому причина всех

русских походов на Константинополь была одна и та же, и справедливость этого подтверждается тем, что война прекратилась с подписанием нового торгового договора»³⁵.

Спорны обе точки зрения. Начнем с первой — о дани. О какой дани могла идти речь? Дань, которую потребовал в 907 г. Олег, Византия тогда же сполна уплатила. К тому же, согласно ПВЛ, в 907 г. Олег требовал от греков огромной разовой суммы — откупа, а не ежегодного взноса такой суммы: «данью» его назвал летописец. Не внес ясности в этот вопрос и Н.М. Карамзин, считавший, что «древний смысл слова “дань” есть *дар* и *уклады*»³⁶. Сам он в таких случаях требуемую киевскими князьями дань называл «добычей», каковой она и была всегда.

Обвиняя греков в неуплате дани, что и стало якобы причиной войны Игоря с империей в 941 г., А.Н. Сахаров говорил о «ежегодной дани», вероятно, имея в виду события 907 г. При их описании в ПВЛ речь шла лишь о дани, о которой все было сказано выше. Но сами эти события летописец завершил выдуманным им договором 907 г. и такой же процедурой его заключения. При ее описании автор ПВЛ сам от себя сообщил, что «царь Леон и Александр не только заключили мир с Олегом, но и *обязались уплачивать дань* и ходили ко взаимной присяге»³⁷, т.е. как «дань» он, без сомнения, понимал льготы, о которых шла речь в выдуманном им договоре 907 г.

В сохранившихся источниках нет указаний на то, что в последующие годы дружинники Олега ходили за ней в далёкий Царьград. Нелепо думать, что и греки ежегодно доставляли ее в Киев. Таких сведений нет. К тому же сам объем той «дани» не предполагал регулярного ежегодного ее получения от греков. Поэтому вопрос о дани такого рода — выдумка, о которой пора забыть.

В ПВЛ не сказано, согласились ли греки на эту «дань», как и на то, согласился ли Олег, в свою очередь, на исполнение своими подданными «правил поведения» в Царьграде: этот вопрос остался открытым. Летописец не стал «нагружать» Олега никакими обязательствами по отношению к грекам: для него он был и остался их победителем, героем. Поэтому после победы над ними только они и должны платить ему дань. Эту точку зрения он и выразил в договоре и в такой же придуманной

³³ См.: Шахматов А.А. Хронология древних русских летописных сводов // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. С. 475.

³⁴ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 7.

³⁵ Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2014. С. 112, 120, 121.

³⁶ Сноску 310 комментария к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин заключает указанием, что укладами называлась дань или налоги (см.: Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 257).

³⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 25 (текст), с. 221 (перевод).

процедуре, в которой стороны якобы обязались исполнять его положения.

Даже Н.М. Карамзин при нескрываемом уважении к творцам ПВЛ не во всем и не всегда верил им. Иначе чем объяснить его послесловие к договору 907 г., где, констатируя, что «греческие историки молчат о сём важном случае», он предлагал верить «нашему летописцу, который не мог в XI веке выдумать происшествие X-го». Но не отрицал он и того, что некоторые изложенные им события могут быть «баснословны»: основанные на рассказах «товарищей Олега», хвалившихся красочными подвигами, они со временем «обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования»³⁸.

Обратимся и мы к этой «дани», под которой понимались требуемые Олегом от Византии льготы подданным Киева в Царьграде.

Сколько могла, Византия оттягивала решение этого вопроса, не оставляя в то же время без внимания случаи нарушения порядка в городе и пригородах киевскими подданными. Ответом на этот вопрос стал Договор 945 г., а в нем ст. 2 — о согласии на содержание «ходящих в греки», но одновременно с введением строгого режима их пребывания в Царьграде. Кроме проживания и кормления Византия приняла на себя также обеспечение их снаряжением и съестным на обратную дорогу. Поэтому ссылки на неуплату греками «дани», о которой писали некоторые авторы, беспочвенны, так как такие претензии могли возникнуть лишь после 945 г.

Теперь о второй причине, якобы вынудившей Игоря в 941 г. военным походом двинуться «на Царьград», — желание заключить с греками соглашение о торговле. Против этого свидетельствует сама ПВЛ. Мы знаем, что походов было два: в 941 и в 944 гг., первый был крайне неудачен для Игоря: против его флота Византия применила «огненную воду», уничтожившую две трети лодок. Но, вернувшись в Киев, как сказано в ПВЛ, он снова начал «собирать воинов и в год 944 пошел на греков, стремясь отомстить за себя». Императорский двор Византии был предупрежден об опасности и на этот раз решил избежать войны. Встретить Игоря были направлены послы, которые предложили ему «дань, какую брал Олег, и прибавить еще». Игорь созвал совет из ближних дружинников, которые заявили ему: «Чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? И послушал их Игорь: взяв у греков золото и ткани на всех воинов,

он возвратился восвояси»³⁹. Не следует думать, что это была дань, которую Византия якобы задолжала Руси. С тех пор прошло 37 лет, и греки сами не помнили о дани 907 г. Если бы речь шла о ее неуплате, им не надо было напоминать об этом. Её упоминание в данном случае говорило о том, что и в этот раз они готовы на такой же разовый откуп. Игорь и его войско согласились, так как для них любая добыча была целью похода.

Просмотр ПВЛ показал, что ее составитель лишь раз коснулся торговых отношений Киева и греков, причем в мнимом договоре 907 г., где было сказано: «И пусть торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов»⁴⁰. Но в 907 г. договор сторонами не заключался, не было этой нормы и в договорах 911 и 945 гг. Это значило, что Византия решала данный вопрос самостоятельно.

В Договоре 911 г. указанная тема лишь раз промелькнула при согласовании цены за продаваемых пленных — подданных той или другой стороны (ст. 10 Договора 911 г., ст. 7, 8 Договора 945 г.). Можно считать, что в какой-то мере она была затронута в ст. 2 второго Договора, где речь шла о «кормлении» киевских послов и купцов, «сколько захотят», хотя в большей степени это относилось к вопросу о дани, чем к торговым отношениям сторон.

Завершая выяснение причин походов киевских князей «на Царьград», следует отметить, что таковой каждый раз была варяжская жажда легкой добычи. Как заметил И.Д. Беляев, «по своему национальному характеру варяги не были усидчивы, не были привязаны к земле и всегда были готовы одни или вместе с князем оставить ее»⁴¹. Н.М. Карамзин писал: «В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалусию, Италию». Того же счастья толпы скандинавских витязей искали в России и Греции⁴².

В полном согласии с этой характеристикой он высказался и о цели похода Олега «на Царьград» в 907 г.: «Наскучив тишиною, опасною для воинственной державы, или завидуя богатству Цареграда, и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, он решился воевать с Империею»⁴³.

Еще в XIX в. сложилось мнение, высказанное в наше время А.Н. Сахаровым, согласно которому «империя прекратила выплату Руси ежегодной дани, что и обусловило начало войны

³⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 230, 231.

⁴⁰ Там же. С. 221.

⁴¹ Беляев И.Д. Указ. соч. С. 58.

⁴² См.: Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 55, 56.

⁴³ Там же. С. 103.

³⁸ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 106 (текст дан с нашими сокращениями. — К.Р.).

между соперниками в 941 году»⁴⁴. Нам известно, что в 907 г. требуемую Олегом разовую дань он получил, о какой-то другой, тем более ежегодной дани, речи не было. Даже в придуманном автором ПВЛ договоре 907 г. речь шла о кормлении «ходящей в греки» Руси по торговым делам, согласие на которое Византия дала лишь по Договору 945 г. Поэтому подобным притязанием Киева к Византии никак нельзя обосновать походы Игоря на Царьград в 941 и 944 гг., особенно с учетом финала, когда Византии обещанием откупиться удалось на полпути остановить воинство Игоря.

Обратимся к Договору 945 г. Как он готовился, сведений нет, есть лишь отрывочные данные о том, как заключался: Византия и в этот раз предложила киевскому князю Игорю прислать послов для его подготовки. В ответ на это Игорь направил «мужей своих» в Константинополь, где император Роман «собрал бояр и сановников, и привели русских послов, и велели им говорить и записывать речи тех и других». Далее следует текст Договора⁴⁵.

Скорее всего все было, как и с Договором 911 г., начиная с непригодных для этого дела «мужей», направленных Игорем. Тогда их было 14, и они представляли Олега «от рода русского» и «всех, кто под рукою его». С Договором 945 г. было интереснее: для его заключения в Царьград прибыла команда в составе 51 человека, надо понимать, «послов», поименно названных в преамбуле Договора. И если в 911 г. от имени Олега действовали дружинники его ближнего круга, то из всех прибывших в 945 г. в Царьград «послов» Игоря представлял один. Остальные названы «общими послами», хотя около 10 из них в этом «посольском корпусе» кого-то представляли: первый в списке — сына Игоря, трехлетнего Святослава, второй — жену Игоря Ольгу, третий — его племянника Игоря. Есть и некий Улеб — посол от Володислава (так в тексте), есть посол и от жены Улеба. Остальные 17 представляли себя или кого-то из региональных бояр.

Кроме этих 25 был второй список из 26 человек, названных в нём «купцами», две трети которых, судя по именам, также были из варягов, что говорило об этническом и социальном составе киевского купечества, «ходящего в греки». Знакомство со списком этого «посольского корпуса» вызывает вопрос: а был ли среди них кто-то, кто мог как-то поучаствовать в подготовке договора? Или этот многолюдный «посольский корпус» совершил свой «десант» в Царьград с целью продать привезённый с собой товар на его рынке и здесь же прикупить то, чего нет в Киеве или что «наказывал» ему тот,

чьи интересы он представлял в «принимающем государстве».

Его численность А.Н. Сахаров объяснял «усложнением и расширением состава посольств, совершенствованием порядка выработки дипломатических соглашений и развитием идеи общерусского представительства посольств за рубежом». Он писал: «Длительные и многократные посольские переговоры и в Киеве (?), и в Константинополе» закончились выработкой нового Договора 944 г.⁴⁶, который стал «вершиной древнерусской дипломатической практики и документалистики, первым развернутым письменным договором о военном союзе двух государств»⁴⁷.

С этим панегириком согласиться нельзя и вот почему: готовила договор византийская сторона. Его главной нормой была ст. 2, где речь шла и о льготах, на которых так воинственно настаивал Киев. Но в ней эти льготы следовали после «правил», которыми Византия вводила строгий режим пребывания в столице «ходящих в греки». О их строгости можно судить по первой же норме, согласно которой послы и купцы из Киева должны были предъявить грамоту от князя, «чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. Если же придут без грамот, то мы будем содержать их под надзором, если же не дадутся нам и сопротивляться, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. И пусть накажет князь своим послам и (другим) приходящим сюда, чтобы не творили бесчинств в селах и стране нашей». А дальше следовали нормы, ограничивавшие само их пребывание и свободу, в частности вход в город по торговым делам только группами не более 50 человек, без оружия и в сопровождении «царева мужа», возвращение с ним обратно к месту временного проживания через те же ворота. «Царев муж» должен был разрешать и все конфликты, возникавшие между ними. Он же организовывал и их отъезд из страны. Это означало, что «ходящие в греки» постоянно пребывали под надзором «царева мужа», чтобы исключить с их стороны противоправные действия. Именно к этому и стремилась византийская сторона. Поэтому ст. 2 по ее месту в Договоре и по своему предназначению была в нем такой же «ударной», как и ст. 2 в Договоре 911 г. Она четко указала и место действия его норм — столица страны и ее пригород,

⁴⁶ В Договоре нет даты его заключения, но с учетом того, что по византийскому календарю новый год наступал 1 сентября, а Договор был заключен в период до декабря, его принято датировать 945-м г. Но с точки зрения современного летоисчисления это будет год 944-й. Поэтому верна и та, и другая дата. — К.Р.

⁴⁷ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 7.

⁴⁴ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 7.

⁴⁵ См.: ПВЛ. Ч. 1. Текст и перевод. С. 231.

где временно размещались «ходящие в греки»⁴⁸. Это дает нам право говорить о том, что византийская сторона была не только автором текста Договора 945 г., но скорее всего вообще исключала участие киевской стороны в его подготовке.

М.Ф. Владимирский-Буданов, а за ним и ряд других исследователей считали Договор 945 г. восстановлением Договора 911 г., не увидев в нём ни его новизны, ни жесткости ограничений свободы пребывания «ходящих в греки» в Константинополе, а указав лишь на преемственность их содержания⁴⁹.

Иначе думал С.П. Обнорский, который отметил всего лишь «близость постатейного содержания», но что «оба, вместе с тем, содержат признаки внешних и внутренних различий, заставляющих видеть в них два раздельные юридические акта»⁵⁰. Их отличает не только число статей: 14 — в первом и 18 — во втором, но и их содержание. О сходстве можно говорить лишь в отношении пяти статей уголовно-правового блока, остальным нет аналогов в Договоре 911 г.

Возьмем первые статьи содержательной части Договора 911 г. — ст. 2 и ст. 12 Договора 945 г., которые автор свел в одну категорию (группу) — «о судоустройстве». При этом, вероятно, он исходил из наличия между ними формальной связи, хотя каждая из них по смыслу решала в своем договоре разные задачи. Статья 2 первого сообщала Договору репрессивный тон и устанавливала единый порядок рассмотрения судом всех «согрешений», как уголовных, так и остальных, совершенных русскими и греками.

Статья 12 Договора 945 г. — иная по смыслу: она была принята специально для защиты подданных Византии, совершивших «некаку проказу» против руссов. Согласно статье, такой грек подлежал наказанию только по решению византийского суда и лишь «в меру своего проступка». Тем самым статья еще раз четко указывала о подсудности греков. В.И. Сергеевич писал, что эта норма была внесена в Договор 945 г. «для вразумления русских», которые «в промежуток времени от 911 по 945 год расправлялись сами со своими обидчиками (греками), хотя пусть и изредка»⁵¹. Таким образом, эти статьи каждая в своем договоре решали разную задачу, что исключало их включение в одну группу М.Ф. Владимирским-Будановым.

Статье 2 Договора 911 г. соответствовала первая часть ст. 2 Договора 945 г. Обе они воплощали

вложенную в них византийской стороной концепцию защиты от «ходящих в греки»: первая — уголовным наказанием за совершаемые ими злодеяния, вторая — созданием в стране строгого режима, исключавшего их совершение ими. Правда, ст. 2 Договора 945 г. соответствовала этому лишь второй своей частью, где были «правила», вводящие такой режим, тогда как первую составляли льготы «ходящим в греки».

Ф.И. Успенский писал: в X в. Русь «порывалась к Византии всеми необузданными влечениями своей беспокойной природы»⁵². Как мы видели, империя была вынуждена использовать и наступательные, и оборонительные средства: первые — в Договоре 911 г., вторые — 945 г. За разделявшие их годы она окончательно определила свое негативное отношение к «ходящим в греки» и нашла оптимальную форму их сдерживания от «необузданных влечений».

2.4. Договор 971 г.

Как и предыдущие два, этот договор (будем пока называть его так) был заключительным этапом войны (Балканской) киевского князя Святослава с Византией и финалом его короткой жизни. Святослав был типичным для своей эпохи человеком войны, завоевателем. Отечественная история приписывает ему два афоризма, первым из которых он каждый раз якобы предупреждал противника о своем нападении: «иду на вы», а вторым напутствовал своих воинов перед решающим сражением «быть смелыми, решительными и помнить, что мертвые сраму не имут».

Он покорил вятичей, разбил волжских болгар, затем хазар, взимавших дань с некоторых славянских племен, а в 968 г. предпринял поход на Балканы. Походов было два, и если первый считался весьма удачным, то второй — 970 г., наоборот. Потеряв две трети своей армии и оказавшись в окружении без продовольствия и надежды на какую-либо помощь из Киева, он обратился к византийскому императору Иоанну Цимисхию с предложением «заключить мир». Цимисхий, потери которого хотя и были меньшими, но обстановка на восточных границах империи требовала перемещения войск туда и способствовала тому, что император согласился на мир.

Русские и византийские источники по-разному излагают подробности его заключения: нет единства относительно качества, в каком выступал при этом Святослав: в русских он был инициатором и автором договора, в византийских — действовал под давлением Византии. Составитель ПВЛ скрашивал стесненное до крайности положение Святослава, стараясь представить его победителем. Но

⁴⁸ ПВЛ. Ч. 1. Текст и перевод. С. 232.

⁴⁹ См.: ПВЛ. Ч. 2. Приложения. С. 273.

⁵⁰ Обнорский С.П. Указ. соч. С. 81.

⁵¹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 116, 117.

⁵² Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 408.

он себя им не считал, что следует из содержания «договора».

Византийский автор Лев Диакон, современник войны, в книге которого она стала одним из основных ее сюжетов, сообщил сведения уникальные по своей сопричастности к реальным событиям. Он писал, что захвативший власть в Византии новый император Иоанн Цимисхий возглавил армию на втором этапе войны, начав ее с отвоевывания у Святослава ранее захваченных им болгарских территорий. В сражении за последний город, еще находившийся во власти Святослава, оба понесли большие потери, но у Цимисхия оставались резервы, у Святослава их не было: Киев был далеко, да и там, чтобы собрать новое войско, необходимо было его присутствие и власть. После нескольких дней сражений Святослав, видя, что ничего уже нельзя предпринять против греков, счел долгом приложить все усилия для спасения оставшихся воинов. Он отрядил послов к Цимисхию с просьбой о мире на предложенных им условиях. «Император почитал мир больше войны, поэтому с радостью принял эти условия россов, заключил с ними союз и дал им хлеба»⁵³.

В отличие от ПВЛ, византийский автор сообщил также о том, что Святослав в своем обращении к Цимисхию якобы попросил, чтобы он разрешил скифам (так в оригинале. — К.Р.), «если пожелают, безопасно приходить по торговым делам» в Царьград и что тот «принял послов и согласился на все, о чем они просили»⁵⁴.

Автор ПВЛ привел текст договора, который якобы был записан византийцами со слов Святослава в присутствии императора. Этой записи позднее и была придана форма договора.

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском. Писано к Иоанну, называемому Цимисхию, царю греческому: Я, Святослав, князь русский, подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и Константином и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собираться на нее воинов, и не наведу иного народу на страну вашу, ни на то, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни страну Болгарскую. И если и иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же

не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те со мною и подо мною будем прокляты от Бога, в которого веруем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

После утверждения договора Святослав попросил встречи с императором. Она состоялась на берегу Дуная, куда император подъехал верхом на коне в сопровождении вооруженных всадников, а Святослав приплыл «на скифской ладье, где сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Сидя в ладье, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев⁵⁵ со скифами»⁵⁶.

По мнению исследователей, приведенный в ПВЛ текст назвать договором нельзя: это одностороннее прямое обращение Святослава к византийскому императору, его клятва в том, что отныне он не будет нападать на Византию, более того, всегда будет ее союзником. Д.С. Лихачев называл ее присягой Святослава грекам⁵⁷, завершившуюся просьбой пропустить его с оставшимся войском на родину. Цимисхий не только согласился, но и приказал обеспечить армию Святослава продовольствием. Было ли все изложенное закреплено в форме официального документа — неизвестно.

Заключение

Из четырех рассмотренных договоров таковыми можно считать два: 911 и 945 гг. Договора, датированного в ПВЛ 907-м г., не было, договоренность 971 г. Святослава с византийским императором Цимисхию была односторонним обязательством первого никогда не вторгаться в территориальные пределы империи.

Изучение содержания договоров позволило сделать вывод о том, что в начале X в. Русь и Византия, разделенные почти двумя тысячами километров сложного и опасного пути в условиях той эпохи, не имели общих границ и точек соприкосновения. Не имели они и объективной потребности в общении. Византия интересовала киевских князей как богатая страна, на которую можно ходить военными походами и шантажировать требованием дани. Привлекал Киев и рынок Царьграда,

⁵⁵ Ромеями византийцы называли себя с тех пор, как Римская империя раскололась на Западную с центром в Риме и Восточную Римскую империю с центром в г. Византий на европейском берегу пролива Босфор. Этот город после смерти императора Константина I был переименован в Константинополь (337 г.). Очень долго члены византийского императорского дома называли себя по традиции «римлянами» — «ромеями», так же называли себя и подданные империи. — Р.К.

⁵⁶ Диакон Лев. Указ. соч. С. 81, 82.

⁵⁷ См.: ПВЛ. Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д.С. Лихачева. С. 118.

⁵³ Диакон Лев. История / пер. с древнегреческого. М., 1988.

⁵⁴ Там же. С. 81, 132.

где он сбывал свои товары, прежде всего собираемую князем дань: меха, мед, воск, а также пользующихся спросом пленных. Со времен похода «на Царьград» киевских князей-варягов Аскольда и Дира (866 г.) он уже был явочным порядком стихийно освоен и существовал как «путь из варяг в греки». Империя получала с продавцов пошлину и терпела их присутствие, пока их появления с товарами для продажи не стали регулярными, а совершаемые «проказы» и самоуправство не превратили их в нежелательных гостей. Это и стало причиной заключения Византией двух договоров, ставших для нее средством самозащиты и одновременно обуздания «ходящих в греки», первый — возможностью воздействовать на этих варваров нормами уголовного права за совершаемые ими злодеяния. Когда же этих мер оказалось недостаточно, стратегия их обуздания была дополнена введением строжайшего режима их пребывания и перемещения в стране с целью обеспечения порядка и спокойствия в Константинополе и пригородах. Тот и другой акт византийская сторона облекла в форму международного договора, нормы которых были согласованы и приняты сторонами, что было подтверждено процедурами их введения в действие согласно правовому порядку каждой из них.

Намечавшийся, как казалось отечественным исследователям, контакт с Византией по вопросам торговли и оказания военной помощи не перерос в сотрудничество сторон из-за отсутствия у Византии интереса к их поддержанию⁵⁸. Рассмотренные договоры стали единственными в истории их государственных отношений. В дальнейшем вплоть до падения Византийской империи (1454 г.) государственных контактов между ними практически не было, династические браки в их число не входят. Даже после Крещения Руси в 988 г. отношения поддерживались только по вопросам православной церкви.

Эти выводы стали неожиданным результатом нашего исследования договоров 911 и 945 гг., в ходе которого они предстали не такими, какими мы привыкли считать их со школьной скамьи.

1. Из четырех названных в ПВЛ договоров, якобы заключенных в X в. Византией с киевскими князьями, таковыми можно считать два: 911 и 945 гг. Договора, датированного в ПВЛ 907-м г., не было: он был скомпонован автором ПВЛ из норм, изъятых из Договора 945 г. Договор 971 г. — односторонняя клятва киевского князя Святослава никогда не вторгаться в территориальные пределы Византии.

⁵⁸ Связи, которые существовали между Русью и Византией практически до ее завоевания Османской Портой (1453 г.), были установлены после Крещения Руси в 988 г. и поддерживались только по делам православной церкви.

2. Вопреки указанию на то, что Договор 911 г. был подготовлен по инициативе киевского князя Олега, как и Договор 945 г., он был не только иницирован Византией, но и подготовлен ее специалистами. Поэтому первый не мог быть «договором Олега с греками», а второй — Игоря с греками, а наоборот, греков с Олегом (911 г.) и греков с Игорем (945 г.).

3. Договоры не стали договорами о мире и любви, которых между ними быть не могло, что подтверждали повторяющиеся походы киевских князей «на Царьград» с неизменным вымогательством дани, разбоями, грабежами, человеческими жертвами. Следует согласиться с Л.Н. Гумилевым, писавшим, что уже первым из них «было положено начало войнам славяно-русов (так автор называл киевскую сторону) с Византией, длившимся до конца X века»⁵⁹. Это подтверждают ст. 3–6 Договора 911 г., которыми Византия начала борьбу с «проказами» и другими злодеяниями, совершаемыми ими на ее территории. Статьей 2 Договора 945 г. стратегия этой борьбы была дополнена введением Византией профилактических мер, ограничивавших свободу их пребывания и перемещения в столице и пригородах.

4. Тот и другой договор готовила византийская сторона, так как действовать им предстояло на территории этой обороняющейся стороны⁶⁰, защищать своих подданных от «проказ» и самоуправных действий «ходящей в греки» Руси. «Византия, — как писал в XIX в. И.Д. Беляев, — боялась Руси». В этих обстоятельствах нелепа сама мысль о том, что в подготовке их норм могли участвовать «послы» киевской стороны.

5. Договоры не были следствием, итогом предшествовавшего каждому из них военного похода Киева «на Царьград» за добычей. Возникшую в обоих случаях ситуацию можно выразить латинским афоризмом: *post hoc, non est propter hoc* — «после этого, но не вследствие этого». Каждый поход завершался тем результатом, ради которого предпринимался его организаторами — огромным откупом Византии: ни о чем другом они и не помышляли: как отмечал В.И. Сергеевич, это не было свойственно «таким примитивным деятелям, какими была Русь Олега»⁶¹. Этот приговор возму-

⁵⁹ Гумилев Л.Н. От Руси до России. Поиски вымышленного царства. М., 2009. С. 24.

⁶⁰ Лишь ст. 7 Договора 911 г. о крушении ладьи и аналогичная ей статья Договора 945 г. распространяли действие за пределы ее территории и предусматривали свое наказание для росов: «епитемьею» — в первом, и «по закону руску» — во втором, так как «греки убедились в бесполезности писать законы для русских» на те случаи, когда их исполнение русскими не могло контролироваться греками» (В.И. Сергеевич).

⁶¹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 103.

тил С.В. Юшкова: «Если бы правосознание руссов было бы так примитивно, как предполагало большинство историков права, то договоры не могли быть заключены, ибо руссы не могли бы выполнять их постановления»⁶². Как видим, уважаемый С.В. Юшков не сумел понять, что здесь «Русью» автор назвал дружину князя вместе с ним, правосознание которых византийская сторона вряд ли оценивала иначе, приняв на себя всю работу по составлению и исполнению договоров.

6. Вопреки общему мнению о том, что договоры как акты двустороннего действия регулировали отношения и действия обеих его сторон, что якобы подтверждали их нормы, это не так или не совсем так. Не следует забывать, что им предстояло действовать на ее территории и защищать ее подданных от проказ и самоуправства «ходящей в греки» Руси. Это само по себе означало, что только Византия должна была отслеживать выполнение ими договорных норм и только она вправе принимать репрессивные меры к их нарушителям. Роль руссов сводилась к тому, чтобы соблюдать их. Лишь ст. 7 Договора 911 г. — «о крушении ладьи в чужой земле» и две статьи Договора 945 г. — «о Корсунской стране» по своему действию выходили за пределы Византии, но в отношении Корсунской страны оставались в рамках ее юрисдикции.

7. Хотя участниками каждой из норм договора названы грек и рос, но так как их взаимоотношения развивались на земле греков, договоры имели ни чем не скрываемую направленность против вторых — «ходящих в греки», а первые во всех возникших между ними конфликтах находились под защитой византийского суда, что было закреплено в ст. 14 Договора 945 г.

8. В нашей историографии сложилось мнение о выгодности договоров для киевской стороны. Это не так: оба они были формой обуздания и вразумления «ходящих в греки» — «Руси», которая «порывалась к Византии всеми необузданными влечениями своей беспокойной природы»⁶³. С этой категорией людей читатели пока не встречались, но так в ст. 7 и 14 Договора 911 г. названы торговые люди, ходившие в Царьград из Киева с товарами для продажи на его рынке. Подавляющее их большинство составляли не купцы, а дружинники князя, которые сами ежегодно снаряжали торговые караваны в Царьград, сами продавали там товары и отвечали за все совершаемые его участниками действия, по которым в Византии сформировалось негативное мнение о них, т.е. только о «ходящих в греки». Никакую другую «Русь», кроме них, эта страна не знала. Противник, от которого Византия была

вынуждена защищаться «у себя дома», была не та «Русь», которую мы знаем и понимаем сегодня, глядя в ее прошлое. Такая Русь начала формироваться лишь на рубеже XI — XII вв. и окончательно сложилась в ходе борьбы сначала с северо-западными (тевтонскими), а затем — монгольскими завоевателями.

На отмеченные нами положения договоров и прежде указывали В.И. Сергеевич, А.А. Шахматов и ряд других авторов, но не встретили понимания. Поэтому, как это ни покажется невероятным после двух с лишним веков известности договоров, в их содержании до сих пор обнаруживаются почти или вовсе не тронутые наукой «белые пятна».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2014. С. 112, 120, 121.
2. Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910. С. 82, 83.
3. Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 56, 58.
4. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Поиски вымышленного царства. М., 2009. С. 24.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М., 2002. С. 266, 539.
6. Диакон Лев. История / пер. с древнегреческого. М., 1988. С. 81, 82, 132.
7. Договоры русских с греками и предшествовавшие заключению их походы русских в Византию. К тысячелетию Договора Олега 911-го года. Ч. 2. Время Игоря и Святослава. М., 1912. С. 38.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1 / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1989. С. 55, 56, 103, 106, 257.
9. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 26.
10. Обнорский С.П. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление: сб. ст. Т. VI—VII / ред. И.И. Мещанинов. М. — Л., 1936. С. 80—82.
11. Повесть временных лет: ч. 1—2 / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
12. Россия в меняющемся миропорядке / под ред. Н.Б. Крылова. М., 2018.
13. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. 2-е изд., доп. М., 1991. С. 5—7.
14. Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 103, 116, 117, 127, 412.

⁶² Юшков С.В. Избранное. М., 2007. С. 175.

⁶³ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 408.

15. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Период македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 269, 273, 408.
16. *Черниловский З.М.* Лекции по римскому частному праву. М., 1991. С. 189, 190.
17. *Шахматов А.А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества. Вып. VIII. СПб., 1914.
18. *Шахматов А.А.* Хронология древних русских летописных сводов // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. С. 475.
19. *Юшков С.В.* Избранное. М., 2007. С. 175.
20. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 35.
8. *Karamzin N.M.* History of the Russian state: in 12 vols. Vol. 1 / ed. by A.N. Sakharov. M., 1989. p. 55, 56, 103, 106, 257 (in Russ).
9. *Klyuchevsky V.O.* A brief guide to Russian history. M., 1992. P. 26 (in Russ).
10. *Obnorsky S.P.* Language of contracts of Russians with Greeks // Language and thinking: sat. art. Vol. VI–VII / ed. I.I. Meschaninov. M.– L., 1936. P. 80–82 (in Russ).
11. The tale of bygone years: part 1–2 / preparation text of the D.S. Likhachev; lane D.S. Likhachev and B.A. Romanov; ed. by V.P. Adrianova-Peretz. M.; L., 1950 (in Russ).
12. Russia in the changing world order / ed. by N.B. Krylov. M., 2018 (in Russ).
13. *Sakharov A.N.* Diplomacy of Svyatoslav. 2nd ed., additional. M., 1991. P. 5–7 (in Russ).
14. Lectures and research on the history of Russian law. SPb., 1883. P. 103, 116, 117, 127, 412 (in Russ).
15. *Uspensky F.I.* The history of the Byzantine Empire. The period of the Macedonian dynasty (867–1057). M., 1997. P. 269, 273, 408 (in Russ).
16. *Chernilovsky Z.M.* Lectures on Roman Private Law. M., 1991. P. 189, 190 (in Russ).
17. *Shakhmatov A.A.* Some remarks on the treaties with the Greeks by Oleg and Igor. Note Neuphilologische companies. Vol. VIII. SPb., 1914 (in Russ).
18. *Shakhmatov A.A.* Chronology of ancient Russian Chronicles // Journal of the Ministry of national education. 1897. P. 475 (in Russ).
19. *Yushkov S.V.* Selected. M., 2007. P. 175 (in Russ).
20. *Yushkov S.V.* Socio-political system and law of the Kiev state. M., 1949. P. 35 (in Russ).

REFERENCES

Сведения об авторе

РОДИОНОВ Константин Семёнович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

RODIONOV Konstantin S. — PhD in Law, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka, 119019 Moscow, Russia